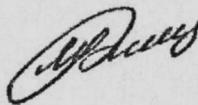


0-770392

На правах рукописи



Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна

**Лингвокогнитивные стратегии отражения образа
этнически «чужого» в российской прессе**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2008

2008.04.11

Работа выполнена в ГОУ ВПО
«Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Иссерс Оксана Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Руженцева Наталья Борисовна,
ГОУ ВПО «Уральский Государственный педагогический университет»

кандидат филологических наук, доцент
Феденева Юлия Борисовна
ГОУ ВПО «Уральская Государственная юридическая академия»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет»

Защита состоится 11 апреля 2008 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета Д 212.283.02 при ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 316.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного педагогического университета

Автореферат разослан « 7 » марта 2008 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000437373

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Н.А. Пирогов

Диссертационная работа посвящена исследованию лингвокогнитивных стратегий отражения образа этнически «чужого» в российской прессе.

Рассматриваемая оппозиция, являясь обязательной составляющей гносеологических представлений о бинарной структуре мира, нашла отражение в целом ряде лингвистических исследований (М.М. Бахтин, Т. ван Дейк, Р. Водак, В.В. Красных, А.Б. Пеньковский, З.И. Резанова, С.Л. Сахно, А.Н. Серебрянникова и др.). Особенно широкое освещение данная категория получила в политическом дискурсе (Е. И. Шейгал, А. Н. Баранов, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, О. А. Леонтович, Е. В. Кишина и др.).

Представленное образование является ядерным для этнической тематики, поскольку этническая идентификация возможна только в рамках данной оппозиции. Нарушение баланса между «своим» и «чужим» в аспекте межэтнических отношений приводит к проявлению этнической нетерпимости, поскольку все «чужое» может вызывать неприятие.

В национальной или этнической нетерпимости приобретает свое выражение ксенофобия. Попытки нейтрализовать отрицательные последствия ксенофобии не всегда успешны, несмотря на усилия различных государственных и негосударственных институтов. Причиной неудач в этой сфере являются сложность природы этого феномена, в основе которого лежит множество факторов: психологический, культурологический, социально-политический, экономический.

Вполне закономерно, что мощный заряд ксенофобии как следствие межэтнических конфликтов возникает в тех областях, где наиболее осязателен миграционный поток. Для России как для страны с пестрым этническим составом проблемы ксенофобии и межэтнических конфликтов были актуальны всегда, но в конце XX – начале XXI века положение осложнилось. Волна мигрантов из Китая и бывших союзных республик, в особенности из среднеазиатского и кавказского регионов, вызванная безработицей и военными действиями на их территории, захлестнула Россию. Межэтническое противостояние приобретает различные формы: этнотерриториальные конфликты, столкновения на почве межнациональной розни, акции насилия со стороны неонацистских и экстремистских организаций, случаи расизма по отношению к этническим мигрантам. Все эти, а также многие другие разновидности межэтнического несогласия ведут к обострению этнического сознания, что находит отражение в прессе.

В качестве противодействия ксенофобии мир обнаруживает тенденцию к интеграции. В ней «чужой» рассматривается в терминах многообразия и толерантности. Постулируются идеи глобализации, в этой связи сосуществование наций строится в форме диалога. Интерес к «чужому» формирует взгляд на него как на представителя другой культуры, другого этноса, занимающего свою нишу в картине мира. Таким образом, возникает потребность в новых знаниях о «чужих».

Обсуждаемая бинарность находит отражение и в исследованиях медиа-дискурса (Л.П. Крысин, Л.В. Енина, Э.В. Чепкина), однако стратегии речевого поведения журналистов в отражении этнической проблематики ещё не стали предметом специального изучения.

Актуальность данного исследования обусловлена вниманием современных гуманитарных наук к средствам массовой информации как транслятору идеологических установок и ценностей.

Современные СМИ являются не просто информатором, а очень значимым полем, где сталкиваются представители разных групп идеологов, политиков, бизне-

са, культуры и т.д., привлекая на свою сторону аудиторию. В итоге с помощью СМИ в массовом сознании не только акцентируется внимание на вопросах, связанных с этничностью, но и формируются заданные идеологами представления в этой сфере. С помощью СМИ искусственно возбуждается национальное самосознание больших масс людей, у них формируются не только позитивные представления в области межэтнического взаимодействия, но и негативные. Именно через СМИ могут распространяться массовые этнические и расовые предубеждения и установки, в результате чего в обществе повышается межэтническая напряженность.

В современной коммуникативистике сложилась традиция обращать внимание на активную роль масс-медиа в конструировании мировоззрения и стереотипов сознания современного человека (Л. П. Крысин). Рассмотрение такой составляющей оппозиции, как этнически «чужой», в аспекте когнитивных функций СМИ в современном обществе невозможно без обращения к механизмам речевого воздействия, что обуславливает необходимость изучения когнитивных стратегий речевого поведения журналистов.

Объектом диссертационного исследования является этническая оппозиция «свой – чужой» в отражении российской прессы.

Предмет исследования составляют когнитивные стратегии отражения этнически «чужого», реализуемые в текстах печатной прессы посредством речевых тактик, и способы их экспликации.

Цель работы заключается в выявлении лингвокогнитивных стратегий и тактик, используемых журналистами при описании образа этнически «чужого» и определении их языковых маркеров.

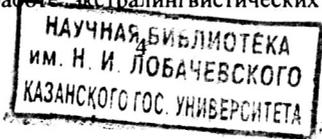
Данная цель предполагает постановку и решение следующих задач:

- 1) сформировать фактологическую базу, определить терминологический инструментарий и методы исследования;
- 2) описать особенности оппозиции «свой – чужой» и определить её этническую составляющую с точки зрения лингвистической семантики;
- 3) рассмотреть лингвокогнитивные приемы создания образа этнически «чужого» в аспекте речевого воздействия на сознание читателя;
- 4) выявить когнитивные стратегии, тактики и интерпретационные ходы, актуальные для описания этнически «чужого» в текстах российской прессы, а также репрезентирующие их разноуровневые языковые средства.

Методологической основой исследования является *теория дискурса* (Р. Водак, Т. ван Дейк, П. Серно, А.Г. Баранов, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Е.И. Шейгал и др.). В данной работе мы также руководствуемся идеями и понятиями *теории речевого воздействия* (Р. Водак, В.И. Карасик, Е.И. Шейгал, О.С. Иссерс, М.Р. Желтухина), *когнитивной теории аргументации* (Ю.И. Левин, В.З. Демьянков, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин, О.С. Иссерс, О.Е. Поляк и др.).

Данные теоретические положения обусловили междисциплинарный характер диссертационного исследования и комплекс использованных методов.

Методы исследования сложились в основном под воздействием достижений когнитивной лингвистики. Анализ языковых явлений осуществлялся с принятой в современной лингвистике антропоцентрической точки зрения, рассматривающей язык как сущность, непосредственно связанную с человеческой деятельностью и определяемую своим функционированием. Указанной предпосылкой обусловлено и широкое использование в работе экстралингвистических данных. Методологиче-



ский подход к анализу текстов медиа-дискурса можно охарактеризовать как когнитивно-прагматический. Аналитический метод диссертационного сочинения заключается в описании когнитивных структур, речевых тактик, интерпретационных ходов, языковых средств, обеспечивающих оптимальное действие стратегий речевого поведения журналистов, что предполагает использование терминологического инструментария когнитивной лингвистики и прагматики. Общий метод исследования эмпирического материала реализуется посредством интерпретативного анализа.

Материалом исследования послужили тексты печатных СМИ, в которых в той или иной форме обозначаются представители «чужого» этноса. Источниковая база представлена общероссийской и региональной прессой за период с 2005 года по 2007 год («Аргументы и факты», «Аргументы и факты» в Омске, «Аргументы недели», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Новая газета», «Российская газета», «Труд-7», журналы «Огонек», «Профиль»). В соответствии с задачами выборка осуществлялась на основе тематики статей, посвященных проблемам взаимоотношений с этнически «чужими».

Выбор источников обусловлен, во-первых, лояльностью издания к государственной политике и идеологии (в том числе представлены и государственные СМИ), во-вторых, массовым адресатом. Именно эти издания отражают сегодняшнюю повседневную практику неопозиционных российских СМИ. Таким образом, из корпуса источников намеренно исключались крайние идеологические издания, в которых ксенофобия является компонентом политической позиции. Обработанный материал составляет около 200 статей.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые определяются стратегии отражения «чужого» этноса в современной прессе в аспекте ксенофобической или толерантной установки и предложена методика выявления и описания ксенофобических смыслов, репрезентированных в медиа-дискурсе. В ходе выполненных ранее лингвистических исследований обсуждаемой бинарности внимание ученых было сосредоточено в основном на аспектах политического дискурса (О.Л. Михалёва, Р.Н. Порядина, Е.В. Кишина) либо на материале фольклора, диалектной речи и бытового дискурса (З.И. Резанова, М.Н. Петроченко, А.Н. Серебренникова). Комплексное исследование экспликантов этнически «чужого» не находилось до настоящего времени в фокусе лингвистического внимания, хотя отдельные аспекты данной проблематики отражены в ряде публикаций (Л.В. Енина, Э.В. Чепкина).

Теоретическая значимость работы заключается в дальнейшем изучении проблематики речевого воздействия на общественное сознание посредством массовой коммуникации. Предложена методика анализа и описания механизмов интерпретации образа этнически «чужого», которая может найти применение в исследованиях иных социокультурных оппозиций. Результаты исследования предоставляют возможности дальнейшего изучения проблем стратегичности речевого поведения в различных сферах.

Практическая значимость определяется возможностью использования материалов исследования в процессе профессиональной подготовки филологов, журналистов, политологов. Основные положения и идеи проведенного исследования могут быть использованы в разработке спецкурсов по проблемам речевого воздействия, межкультурной коммуникации, журналистской этики, стилистики, риторики, а также для практиков СМИ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Оппозиция «свой – чужой», лежащая в основе восприятия и обработки информации о мире, является базовой при описании особенностей межэтнических отношений в СМИ.

2. Упрощенное отражение в прессе ситуаций социальной интеракции между этносами осуществляется за счет использования языковых механизмов стратегии редукционизма. Это обеспечивает воздействие на массовое сознание, в результате которого возможен рост ксенофобических настроений в обществе.

3. Культивирование в прессе толерантности, особенно актуальное в данный период в связи с обострением межэтнических отношений, возможно путем реализации тактик и ходов стратегии компликации.

4. Газетный заголовок в соответствии с высокой позицией в иерархии макроструктур текста является средством актуализации этнических обозначений и оказания воздействия на сознание читателя.

5. Использование методов редукции и компликации в медиа-дискурсе предполагает реализацию речевого воздействия на массовое сознание, при этом позиция автора выявляется посредством анализа разноуровневых языковых средств. Стратегия редукционизма реализуется в тактиках угрозы и экспликации этнического противостояния и по содержанию типична для ксенофобического дискурса. Стратегия компликации находит отражение в тактиках многоаспектного информирования и стирания грани между этносами.

Апробация работы

Основные положения диссертации были представлены на I международной конференции «Русский язык и современное российское право» (Кемерово, 2006), XIX Международной научно-практической конференции «Язык и культура» (Томск, 2006), Международной научной конференции «Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России» (Екатеринбург, 2007). Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Материалы диссертации отражены в 11 научных публикациях.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, её научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи, определяется объект и предмет исследования, описываются материал и методы исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, а также сообщаются сведения об апробации работы.

В **первой главе – «Интерпретация оппозиции «свой – чужой» в лингвистических исследованиях»** – представлен анализ междисциплинарных исследований оппозиции «свой – чужой».

В разделе **1.1. – «Оппозиция «свой – чужой» как объект научных исследований»** – рассматриваются различные аспекты изучения оппозиции «свой – чужой», способы её интерпретации и понимания, особенности её этнической составляющей.

Фундаментальный характер данной оппозиции определяется её участием в формировании онтологических представлений о бинарной структуре мира, его организованности по принципу «свое – чужое».

Эта категория получает научное осмысление с различных позиций. Так, в рамках философской и культурной антропологии, социологии и политологии оппозиция «свой – чужой» сводится как к противопоставлению разных этнических сущностей, так и к выделению социального отчуждения внутри одного социума (З. Бауман, Л.Н. Гумилев, М.М. Бахтин и др.). В рамках культурологического подхода оппозиция «свой – чужой» нашла широкое рассмотрение в лингвокультурологических исследованиях (В.А. Маслова, М.Ю. Лотман, Л.И. Гришаева, В.Б. Кашкин, О.А. Леонтович и др.).

В современной научной парадигме широко представлен лингвистический подход к изучению рассматриваемой оппозиции, в рамках которого определяются её сущностные признаки, семантические и формальные основания, способы экспликации и особенности функционирования (Т. ван Дейк, Р. Водак, С.Л. Сахно, Ю.С. Степанов, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, В. В. Красных и др.).

Оппозиция «свой – чужой» относится к базовым элементам когнитивной картины мира и особым образом функционирует в языке. Компоненты оппозиции выявляются в семантическом пространстве языка через языковые средства разных уровней. При общем признании приоритетного положения единиц лексического уровня, экспликантами данной оппозиции также признаются единицы прагматического, словообразовательного, синтаксического и текстового уровня.

Рассматриваемая бинарность является категорией, которая лежит в основе восприятия и обработки информации о мире.

Анализ и структурирование национально-культурной составляющей дискурса, позволяющие обнаружить содержание бинарных элементов оппозиции, способствуют определению того, что делает «человека говорящего» «своим» для одних и «чужим» для других (В. В. Красных).

Оппозиция «свой – чужой» признана базовой для политического дискурса, в рамках которого она возводится в ранг социально-политических отношений (Э.Р. Лассан, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, Е.В. Кишина).

В большинстве исследований отмечается, что выделение «чужой» составляющей обсуждаемой оппозиции сопровождается негативной оценкой. Исследуя категорию «чуждость» в русском языке, А.Б. Пеньковский доказывает, что эта категория сопрягается с категорией отрицательной оценки и имеет специальные средства языкового выражения. Широкое и многостороннее освещение интерпретация противопоставления «свой – чужой» в ценностном плане (с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит «чужому» миру) получает в исследовании материалов фольклора и диалектов (З.И. Резанова, М.Н. Петроченко, А.Н. Серебренникова). По принципу противопоставления строится интерпретация данной оппозиции и в этническом пространстве (Т. ван Дейк, Р. Водак, О. Йокояма, Л.П. Крысин).

В разделе 1.2. – «**Бинарность «свой – чужой» в аспекте межэтнических отношений**» – рассматривается механизм построения возможных взаимоотношений между составляющими оппозиции «свой – чужой» в рамках этнической тематики.

Одним из главных шагов для того, чтобы личность смогла ощущать себя репрезентантом этнической группы, является этническая идентификация – осознание своей тождественности с этнической общностью и оценка значимости членства в ней.

Основную роль в реализации этноидентификации играет язык. Так, признаком осознанного выделения этнической группы из числа других является выработка этнонима, который позволяет осуществить этническую идентификацию. Выделение своего этноса из ряда других всегда сопровождается выработкой определенных вербальных и невербальных стереотипов. В обсуждении феномена «свой – чужой» стереотипизации уделяется важное место. В этом случае речь идет об аксиологически и эмоционально маркированном стереотипе. «Свои», как правило, воспринимаются с положительными эмоциями, им отдается предпочтение перед «чужими».

Как отмечают исследователи, диалектика «своего» и «чужого» в человеческом воплощении отнюдь не обязательно конфликтна. Для достижения успеха коммуниканты ищут поле взаимного понимания, «сближая детерминированные лингвокультурой мировосприятия» (В.Б. Кашкин). Однако частота связи «чужого» с угрозой и страхом заставляет думать, что речь идет о существовании неких базовых закономерностей страха перед чужим – **ксенофобии**.

Являясь предметом многочисленных исследований в рамках целого ряда наук, ксенофобия детерминируется исключительно как отрицательное явление (О.В. Нагорная, Ю.Г. Чернышов, В.Е. Каган, А.С. Штемберг, Э.А. Паин, С.В. Свириковская и др.).

Ксенофобия – своеобразная призма, сквозь которую вычерчивается соответствующая картина мира, представляющая собой искаженный образ события, ситуации, действий и – шире – действительности. Основанием для искажения служит этническая картина мира, которая выявляется как один из типов картин мира, описываемых в научной литературе. Таким образом, можно говорить о таком понятии, как этническая ксенофобия – этнофобия.

Этнофобия выражает фобию конкретно к определенному этносу, а область ксенофобии шире, поскольку ксенофобия – это фобия по отношению ко всему чужому.

Степень выражения ксенофобичности может быть различна. Язык ксенофобии эмоционален, напряжен, инвективен, насыщен архетипической символикой, обращен к подсознанию. Ксенофобия находит отражение в языке, в частности, в вербальной агрессии.

Проблема вербальной агрессии получила широкое освещение в лингвистических исследованиях (Н.В. Муравьева, В.И. Жельвис, В.С. Третьякова, Б.Я. Шарифуллин, К.Ф. Седов, Т.А. Воронцова, Ю.В. Щербинина и др.). Лексическими единицами вербальной агрессии, в том числе направленной на представителей этнических меньшинств, могут выступать этнофобизмы, инвективы, ксенэтнонимы.

Ксенофобию можно толковать как объединяющее основание таких понятий, как «национализм», «расизм», «шовинизм», «антисемитизм». Тем не менее в значении этих терминов наблюдаются определенные различия. Так, национализм имеет как отрицательное, так и положительное содержание. Что касается шовинизма, расизма и антисемитизма, то определение этих понятий содержит исключительно отрицательное содержание.

Преодоление ксенофобии – важная проблема современной действительности. Варианты противостояния ксенофобии разнообразны. Так, способом преодоления ксенофобии является конструирование и распространение нового понятия, каковым является «ксенофилия» – любовь ко всему «чужому». На бытовом уровне, как полагает А. С. Штемберг, противостоять ксенофобии может обычная любознательность, т. е. одна из главных родовых черт ксенофобии как явления – априорное отторжение

всего чужого, отсутствие малейшего желания узнать его поближе. Научное противостояние ксенофобической ситуации состоит в пропаганде толерантности. При этом, для того чтобы демонстрировать толерантность в общении, необходимо не только терпимо относиться к окружающим, но и владеть стратегиями бесконфликтного общения.

Проблема толерантности в современном мире является предметом внимания многих наук: философии, политологии, религиоведения, социологии, конфликтологии и т. д.

Научное освещение толерантность получила в работах по лингвистике многих зарубежных и отечественных исследователей (И. Н. Борисова, И. Т. Вепрева, Н.Д. Голев, Л.В. Енина, О. Йокояма, Н.А. Купина, Л.М. Майданова, О.А. Михайлова, А.В. Перцев, Т.В. Попова, И.А. Стернин, Н.И. Формановская, Э.В. Чепкина, И.В. Шалина, Л. А. Шкатова, А. Д. Шмелев и др.). В парадигме лингвистики слово *толерантность* встречается в составе словосочетаний, включающих в роли главного слова такие единицы, как *принцип, фактор, максима*, которые отражают коммуникативный аспект толерантности. По мнению О. А. Михайловой, толерантность в этой связи может быть соотнесена с максимальной вежливости Дж. Лича, а также с принципом кооперации П. Грайса, следование которым обеспечивает эффективность общения, т. е. толерантность – основа успешной коммуникации. Толерантное поведение предполагает использование тактик уступчивости, компромисса, сотрудничества. Речевая толерантность – это, прежде всего, проявление внутренних поведенческих установок в речи. В русском языке *толерантность* рассматривается в двух аспектах: она понимается, во-первых, как отношение и соотносится со словом «терпимость», а во-вторых, понимается как деятельность, поведение, и соотносится со словом «ненасилие». Таким образом, толерантность является ядром лингвокультурологического поля, в которое входят все слова, семантически и ассоциативно связанные с терпимостью и ненасилием. Но при всей семантической близости понятия «толерантность» и «терпимость» их отождествлять нельзя. Толерантность, в отличие от терпимости, не оперирует аксиологическими категориями «хорошо – плохо», она основана на противопоставлении «свой – чужой»; это терпимость к «другому, иному», при отсутствии враждебности или отрицательного отношения к «чужому» (О. А. Михайлова). Отсутствие толерантности, нетерпимость приводят к агрессивности и в бытовом, и в политическом контексте, что грозит локальными, региональными, межнациональными, религиозными и другими конфликтами.

Немаловажная роль в постулировании толерантности отводится СМИ, которые так или иначе отражают этническую составляющую оппозиции «свой – чужой» и являются сферой формирования толерантного сознания в обществе.

Во второй главе – «**Медиа-дискурс как сфера выражения этнического сознания**» – рассматривается широкий круг вопросов, связанных с исследованиями дискурса, речевых стратегий и тактик, приемов речевого воздействия в сфере медиа-дискурса.

В современной лингвистике при определении понятия «дискурс» существенное значение имеет научная традиция, различные сложившиеся параллельно друг другу национальные школы дискурсивного анализа. Проблемы дискурса активно разрабатываются как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике (Т. ван Дейк, В. Кинч, Р. Водак, А. А. Кибрик, Ю. С. Степанов, П. Серио, М. Фуко, Е. И. Шейгал, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, М. Л. Макаров, А. Н. Баранов и др.).

Дискурсивный анализ, который институализировался как особое междисциплинарное научное направление, сконцентрирован на степени и характере влияния различных факторов коммуникативно-речевой деятельности – как непосредственно ситуативного контекста, так и более широкого экстралингвистического фона; на формировании языковых закономерностей конкретного произведения.

Так, теория Т. ван Дейка строится на основе вовлечения в анализ таких факторов, как мнения и установки говорящих, их этнический статус и т. п. Анализ направлен на изучение личностных характеристик носителей языка, их намерений, эмоций, предпочтений. Т. ван Дейк стремится создать строгую теоретическую основу для преодоления односторонности как денотатно-референтного, так и коммуникативно-прагматического подходов, предлагая использовать конструкт, называемый «макроструктурой» дискурса. Макроструктуры объединяют дискурс как последовательность речевых актов в единое целое, в результате чего дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего. Данный подход, как представляется, оказал значительное влияние на обогащение исходного понятия дискурса за счёт включения в него большого спектра различных характеристик.

Дискурс изучается с позиций текстолингвистического, социолингвистического прагмалингвистического подходов (В.И. Карасик), он может быть направлен на предупреждение противоречия, которое рассматривается как ключевой момент в его развитии (В.Г. Борботько). Исследуется «власть дискурса», которая проявляется в «комплексной, систематической и регулярной реализации персуазивных стратегий и приемов воздействия» (В.Е. Чернявская). А.Н. Баранов определяет дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников дискурса или формирующих конкретную тематику коммуникации» и т. д.

В рамках данного исследования центральным является такой подход к дискурсу, который в качестве основной посылки принимает следующее положение: помимо или посредством использования языка в процессе общения его участники совершают в отношении друг друга определенные коммуникативные действия, в основе которых лежат специфические когнитивные процессы, имеющие место в сознании коммуникантов при порождении и восприятии речи. Рассмотрение как языковых, так и контекстных параметров общения, детерминирующих выбор коммуникантами тех или иных средств выражения их коммуникативного намерения в дискурсе, делает логичным описание коммуникативного процесса в терминах **речевых стратегий и тактик**.

В главе приведены различные точки зрения, связанные с пониманием стратегии и тактики (Т. ван Дейк, В.З. Демьянков, Х.Я. Ыйм, И.Н. Борисова, Е.В. Клюев, Т.Е. Янко, В.Е. Чернявская, И.А. Стернин, Г.А. Золотова). В данном исследовании представляется правомерным ориентироваться на таксономию речевых стратегий, предложенную в работах О.С. Иссерс.

Под **лингвокогнитивной стратегией** подразумевается такой выбор языковых средств, который обеспечивает управление процессом умозаключений и трансформацию модели мира адресата. Особенность когнитивных стратегий заключается в том, что «механизмы, посредством которых осуществляются эти ментальные процедуры, большей частью не имеют индикаторов «на поверхности речи» и, следова-

тельно, недоступны для лингвистического анализа. В этом смысле наблюдаемыми являются лингвистические и интеракционные характеристики, по которым можно определить, как и какими средствами такие цели могут быть достигнуты» (О.С. Иссерс).

В качестве инструментария реализации той или иной тактики выступают коммуникативные приемы более низкого порядка – коммуникативные (речевые) ходы, в рамках данного исследования представленные в виде интерпретационных ходов.

Стратегический подход может быть выделен как особый тип прагматического и когнитивного описания медиа-дискурса.

Подход к анализу текстов СМИ как к особому виду дискурса был впервые представлен Т. ван Дейком. Определяющим в его концепции является направленность на изучение самой сути процесса массовой коммуникации, речевых сообщений. Тексты массовой коммуникации получают при таком подходе комплексное описание как их общей организации, так и специфических свойств.

Коммуникативное воздействие на адресата сообщения с целью навязать ему определенную стратегию выбора и поведения относится к типу персуазивной коммуникации. Во второй главе СМИ рассматриваются как сфера реализации воздействия на читателя. Раскрывается изменение содержания основных функций современного медиа-дискурса – информирования и воздействия.

Целый ряд языковых средств в арсенале журналиста обладает большим потенциалом для реализации речевого воздействия. Выбор этих средств обусловлен задачами, которые решаются в процессе речевого воздействия: организацией общения, обозначением социальной роли реципиента. В аспекте анализа медиа-дискурса актуальной представляется проблема осознанности / неосознанности выбора речевых действий субъектом воздействия. В любом случае исключена возможность нейтральной позиции автора сообщения. По мнению Р. Блакара, осуществляемый отправителем сообщения выбор выражений даже при попытке «выражаться объективно» структурирует и обуславливает представление, получаемое адресатом.

В качестве механизмов воздействия выступают способы вариативной интерпретации действительности (А.Н. Баранов, В.З. Демьянков, Ю.И. Левин).

В работе представлен обзор составляющей речевого воздействия – речевого манипулирования, которое также используется авторами публикаций (В. Е. Чернявская, Ч. Ларсон, В. А. Мишланов, Б. И. Осипов, Г. А. Коккина).

В арсенале публицистики имеется довольно объемный корпус средств с воздействующим потенциалом. В этом разделе мы рассматриваем те языковые ресурсы, которые выполняют функцию индикаторов речевых тактик и, соответственно, стратегий.

Представленный обзор таких персуазивных ресурсов языка печатных СМИ как, **имплицитур, способы искажения истины, интертекстуальные включения, языковая игра, метафоры** и др., позволяет обосновать выделение речевых стратегий описания этнически «чужого» в российской прессе и проиллюстрировать их реализацию.

Рассмотренные лингвокогнитивные приемы и средства используются авторами публикаций как механизмы воздействия на массовое сознание, что в результате приводит к изменению в картине мира реципиента сообщения. Таким образом, журналисты могут повлиять на ксенофобическую или толерантную позицию читателя по отношению к этнически «чужим».

В заключительном разделе второй главы представлен обзор лингвистических исследований, посвященных языковому выражению проблемы межэтнических отношений в прессе. Так, по мнению Л.В. Ениной, без анализа речевых средств передачи интолерантности затруднен разговор о пропаганде установок толерантного сознания. В подобном же ключе рассматривается проблема освещения этничности в СМИ в конфликтологии.

Глава 3 – «Лингвокогнитивные стратегии отражения этнически «чужого» в российской прессе» – представляет собой развернутое описание предмета исследования.

Выделяемые стратегии представляют собой основу процесса гипотетической интерпретации: для структур текста и прагматического контекста они обеспечивают быстрое выдвигание предположений относительно возможного значения высказывания и намерения говорящего (Т. ван Дейк). При этом нельзя не заметить, что стратегия в данном случае проявляется скорее в форме метафорического осмысления, чем в виде «глобального намерения».

Описание речевых стратегий заключается в том, чтобы представить континуум тактик, реализующих стратегию. Суть применения конкретной тактики состоит в актуализации определенных смыслов (например, противостояния между социумами), направленных на корректировку модели мира адресата. В качестве способа реализации той или иной тактики выступают коммуникативные ходы. Понятие интерпретационного хода, введенное в метаязык данного исследования, очень тесно связано с понятием коммуникативного хода. Интерпретационный ход, так же как и коммуникативный, характеризует стратегическую линию одного из партнеров коммуникации. Но поскольку анализируется язык не конкретного автора, а скорее некоего собирательного образа журналиста определенных изданий, речь идет об особой интерпретации намерений пишущего (пишущих). Отличие определяется также особенностью медиа-дискурса, дистантного по своей сути, который не предполагает постоянный мониторинг реакций реципиента сообщения. Все это повлияло на изменение содержания принятого в описании стратегий и тактик коммуникативного хода и определение его как интерпретационного.

Анализ материала позволяет говорить о том, что поле этнически «чужого», суженное до *приезжих, гастарбайтеров, мигрантов*, предстает перед читателями либо в ксенофобическом контексте, что интерпретировано нами как стратегия редукционизма, либо в рамках толерантной позиции, когда журналисты не упрощают, а стратегически усложняют освещаемую проблему. Таким образом, стратегия компликации (усложнения) может быть противопоставлена стратегии редукционизма в соответствии с противопоставлением ксенофобической и толерантной установок авторов публикаций.

Первый раздел третьей главы содержит описание **редукционизма как базовой когнитивной стратегии ксенофобии**. Исследованием категории редукции занимались многие ученые, рассматривая её как с общефилософской точки зрения, так и со специально-научной. С позиций лингвистики категория редукции нашла отражение в анализе политического дискурса (О. С. Иссерс, П. О. Миронова, В. Е. Чернявская). Самый общий смысл категории редукции заключается в сведении сложного к простому. Сферой успешного применения принципа редукции является информационное поле. В рамках данного исследования под стратегией редукционизма понимается речевое поведение авторов статей, стратегически нацеленное на

упрощение проблем межэтнического противостояния, особенно актуальных сегодня. Предпосылкой для эффективной реализации стратегии редукионизма является создание поляризованной модели мира, что соответствует логике феномена ксенофобии. Стратегия редукионизма как базовая когнитивная стратегия ксенофобии реализуется в тактиках угрозы и экспликации этнического противостояния.

Тактика угрозы рассматривается в контексте стратегии редукионизма в связи с тем, что такой прием упрощения проблемы межэтнического противостояния достаточно продуктивен в плане коррекции модели мира читателя. Угроза позволяет акцентировать внимание на максимально обострившейся проблемной ситуации, которую необходимо решать незамедлительно и наиболее жесткими методами.

Необходимо отметить, что в анализируемых высказываниях используются такие языковые приемы и средства, которые создают контекст, необходимый для проявления у адресата состояния тревожности.

Угроза направлена на объект речевого воздействия – читателя газетной статьи как представителя «своих».

Тактика угрозы реализуется в таких интерпретационных ходах, как *нашествие «чужих», актуализация этноидентификации «своих» и «чужих», необходимость обеспечения этнобезопасности.*

«Нашествие «чужих» реализуется путем использования приемов изображения «чужих» как *толпы*, в образе *захватчика* и интерпретируется в метафорической модели *поток*. Как показывает анализ языковых механизмов вариативной интерпретации действительности, они имеют ярко выраженную ксенофобическую направленность.

Восприятие «чужих» как *«толпы»* может быть отнесено к стереотипному восприятию. Толпа предполагает наличие безликой массы, численного преимущества, невозможность идентифицировать отдельную личность.

• *«Я вернулся в родной город через несколько лет и не узнал его. – делится с «АиФ» в Омске» Евгении Горелов. – В час пик ехал на машине по Левому берегу и заметил, что, начиная от остановки «Таксопарк», вдоль дороги стояли целые толпы желтолицых маленьких людей. Как мне объяснили, это китайские торговцы после трудового дня ловят маршрутки, чтобы уехать домой» (О. Демидова. Омский «чайна-таун» // «АиФ» в Омске № 36, 2006 г.).*

Выбор лексики с общей семантикой *«увеличение количества»* несет в себе ксенофобические смыслы, поскольку угроза нарастания числа «чужих» вызывает страх.

• *По вполне официальным подсчетам, количество выходцев из КНР в нашей стране только за 90-е годы прошлого века увеличилось двадцатикратно. (Для сравнения – в Америке за предыдущие 20 лет китайцев стало больше в восемь раз.) И в обозримом будущем, считают специалисты, этот приток не сократится (А. Ескевич, И. Коломиец. Страна непуганых иностранцев // Российская газета № 270, 1 дек. 2006 г.).*

В рамках рациональной аргументации используется прием манипуляции статистикой.

• *Китайцы стали появляться в районе давно. Сначала понемногу. Но в 2004 году их проживало здесь уже 555 человек. В 2005-м – 753. На начало этого года ещё 500. Тенденция к увеличению очевидна (Г. Казачук. Китайская фора // Аргументы недели № 25, 21 июня 2007 г.).*

Воздействующий потенциал данного приема заключается в том, что цифры создают иллюзию объективности.

Основными лексическими маркерами реализации рассматриваемого интерпретационного хода являются языковые единицы, имплицитно представляющие этнических «чужого» захватчиком, как потенциальным, так и реальным.

Образ реального захватчика формируется за счет использования предикативных лексем с общей семантикой *‘действие, участие’*.

• *Они активно включаются в российскую экономику, ввозят и вывозят капиталы, занимают рабочие места, участвуют в рынке товаров и услуг, создают свои землячества, сообщества, в том числе и криминальные ... В общем, если смотреть правде в глаза, иностранные мигранты стали частью современной российской действительности, и сегодня вместо вопроса «Как с ними бороться?» мы задаем уже другой — «Как с ними жить?»* (А. Ескевич, И. Коломиец. Страна непуганых иностранцев // Российская газета № 270, 1 дек. 2006 г.).

Автор подводит читателя к выводу о неизбежности такого нашествия, апеллируя к стереотипному отношению к «чужим», предполагающему борьбу с ними, и замене её на сосуществование:

«Как с ними бороться?» → *«Как с ними жить?»*

Прием манипулирования основан на изначально антиксенофобическом противопоставлении (борьба – сосуществование), однако градация контекста в режиме угрозы приводит к противоположному результату – противостоять захвату невозможно, захват неизбежен.

При обозначении дискриминируемой группы «своих» также воспроизводит-ся метафора, базирующаяся на оппозиции «хозяин – гость».

«Чужой» при этом – гость незванный, причиняющий массу неудобств хозяевам. Это гость, который стремится занять место хозяина.

• *Как заметил один из дежуривших на рынке сотрудников милиции Кировского УВД, на рабочем месте мигранты чувствуют себя как дома. Даже, кажется, подшучивают над покупателями, но на своем родном языке* (О. Демидова. Омский «чайна-таун» // «Аргументы и факты» в Омске № 36, 2006 г.).

Семантику опасности, угрозы актуализирует метафорическая модель *‘поток’*.

Сопоставление в этом случае производится на основе общности потенциальных предикативных характеристик: способности к быстрому распространению, заполнению пространства и т. д.

• *На фоне бывших азиатских республик, откуда к нам и валит основной поток мигрантов, мы развитая и притягательная страна* (В. Костиков. Мигранты: быть или не быть? // «Аргументы и факты» № 15, 2006 г.).

• *В то время как сотни тысяч наших соотечественников устремились в Европу и Америку на поиски лучшей доли, сотни тысяч таких же искателей – только с другим цветом кожи и иным разрезом глаз — хлынули в Россию из Средней Азии, Казахстана, Китая, Вьетнама, Кореи.* (А. Ескевич, И. Коломиец. Страна непуганых иностранцев // Российская газета № 270, 1 дек. 2006 г.).

К приемам и средствам создания оппозиции «свой – чужие» также примыкают к стратегии изменения оценок при выборе слова. Так, употребление глагола *устремились* при описании «своих» и *хлынули* при описании «чужих» может быть представлено как прием дистанцирования «своего» и «чужого» друг от друга. Глагол *‘устремитесь’* предполагает наличие цели и несет положительную оценку, тогда

как лексема 'хлынуть' описывает хаотичный, неожиданный процесс и отличается применительно к «чужим» негативной коннотацией.

Четко прослеживается направление потока: с территории проживания «чужих» (*бывшие азиатские республики, Средняя Азия, Казахстан, Китай, Вьетнам, Корея*) на территорию *России*. Эксплицированный таким образом локус конкретизирует направленность угрозы на жителей России.

Таким образом, в результате использования журналистами приемов редукции проблемной ситуации создается гиперболизированный, угрожающий нашествием на нашу страну образ «чужих».

Одно из самых ярких проявлений манипулятивного характера стратегии редукционизма заключается в использовании приемов, вызывающих **актуализацию этнической идентификации**. Анализ материала показал, что основным приемом актуализации этноидентификации «своих» и «чужих» является противопоставление «своих» «чужим», коррелирующее с представлением мира исключительно в черно-белом цвете. Местоимения «мы» и «они» являются лексическими маркерами, выражающими отнесенность субъекта к той или иной общности, и наделены в конкретных коммуникативных ситуациях смысловой нагрузкой «свой – чужой». «Мы» как выразитель общности людей, к которой принадлежу «я», относится к сфере «свое»; «они» как репрезентант чуждой «мне» общности – к сфере «чужое». В рамках данного исследования основным значением противопоставления «мы – они» является выражение национального единства представителей одной этнической общности, проживающих на своей территории, и представителей других этносов, не являющихся коренными жителями и представляющими угрозу для местного населения.

Как показал анализ, денотату «этнически чужой» соответствуют различные сигнификативные компоненты, выражаемые определенными лексическими единицами (*инородцы, лица азиатской или кавказской национальности, парни с юга, нелегалы, выходцы с Поднебесной, иммигранты, приезжие, трудовые мигранты, гастарбайтеры* и т. д.).

Лексические маркеры сигнификатов этнически «чужого» представляют собой группу квазисинонимов, большая часть которых имеет оценочные коннотации. Средства номинации группы «мы» менее разнообразны и экспрессивны: *хозяева, русские, русский человек, россияне, люди славянской внешности* и т. д.

• *Славянская внешность среди продавцов – редкость, а между собой они общаются на неведомых петербуржцам языках* (А. Инджиев. Не до смеха // Аргументы недели. № 14 апрель 2007 г.).

Примечательно употребление выражений *лица азиатской или кавказской национальности* и *люди славянской внешности*. На первый взгляд, эти формулы манифестируют этнический и фенотипический признаки, т. е. внешность. Однако, как утверждает Д.Р. Шарафутдинов, это «фразеологизмы с пустым денотатом», поскольку в «этнографическом и антропологическом отношениях квазинформативны и содержат внутренние противоречия».

• *В районе автобусной остановки, в два часа ночи они* (четверо подозреваемых. – М.Р.) *и заметили 33-летнего мужчину, как им показалось, неславянской внешности. Выводы сделали из-за черных вьющихся волос, темной щетины и давно травмированного носа ...Ирония судьбы в том, что на самом деле этот человек был как раз славянином. Уроженец Украины приехал в Омск на заработки* (В. Холодная. Снова skinхеды ... // Труд-7, 23–29 февраля 2007 г.).

Однако данные выражения отличаются частотностью и позволяют сделать вывод об их номинативном содержании. Выражения *человек славянской внешности* и *лица азиатской или кавказской национальности* используются тогда, когда возникает необходимость подчеркнуть разницу этносов, и являются сигналом противопоставления «мы – они».

Анализ материала позволяет говорить о трех типах явного и косвенного противопоставления групп «мы» и «они» по шкале этнической идентификации:

- а) нейтральное (тернарное) противопоставление;
- б) противопоставление в пользу «своих»;
- в) противопоставление в пользу «чужих».

Нейтральное противопоставление может быть соотнесено с тернарной моделью, которая включает в себя бинарную структуру с дополнением «экзистенциального мотива: мир добра, мир зла и мир, характеризующийся признаком существования, не имеющий однозначной моральной оценки» (В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян).

Речь идет об информативном речевом регистре (Г.А. Золотова), и, соответственно, этот прием не содержит смыслов угрозы.

Основным критерием данного типа противопоставления является культура.

- *Китайцу, чтобы понять смысл сказанного, нужно очень внимательно слушать собеседника. Следовательно, в жизни им свойственно различать полутона – это обогащает отношения между людьми. Русскому же человеку важнее суть, смысл сказанного: может, поэтому к музыке у нас не такое требовательное отношение, как у китайцев ...* (И. Козицкий. «Это не рок-н-ролл, это – Китай!» // Огонёк № 27, 2007 г.).

«Свои» и «чужие» сравниваются и противопоставляются по различным признакам. Установка публициста на редукцию проблемной ситуации межэтнических отношений в рамках тактики угрозы проявляется в моделировании возможного **отведения угрозы**, которую представляют этнически «чужие».

- *Государство пытается **поставить заслон на пути нелегалов*** (А. Ескевич, И. Коломиец. Страна непуганых иностранцев // Российская газета № 270, 1 дек. 2006 г.).

- *Сегодня многим регионам России не обойтись без дополнительных трудовых ресурсов. Однако если в прежние годы области или краю достаточно было подать заявку на количество рабочих – иностранцев, то теперь **порядок привлечения гастарбайтеров** изменился* (Н. Решетникова. **Прощай, гастарбайтер?** // Российская газета № 93, 4 мая 2007 г.).

Для положительной самопрезентации журналисты стараются имплицировать тезис о необходимости предпринять действия для отведения угрозы. С этой целью используется прием метафоризации действительности.

В качестве исходной понятийной области метафорического переноса, в частности, выступает медицинская сфера. Так, например, нашествие мигрантов представлено как «лекарство с побочным эффектом».

- *Экономисты считают, что для поступательного развития в сибирских регионах элементарно не хватает рабочих рук. Единственное средство — привлечь трудовые ресурсы из-за рубежа. Но у этого **сильнодействующего лекарства** есть серьезные **побочные эффекты**, поэтому принимать его нужно с **оглядкой и строго дозировано**» (А.Ескевич, И.Коломиец. Страна непуганых иностранцев // Российская газета № 270, 1 дек. 2006 г.).*

Ксенофобические мотивы присутствуют в модусе «инструкции по применению»: *с оглядкой и строго дозировано* допускать мигрантов на территорию России.

На поверхностном уровне образы этнические «чужого» представлены различными лексемами, которые интерпретируют «чужого» в рамках этнического противопоставления как **врага, мишень для критики, жертву**. Это позволяет выделить специфический прием осмысления взаимоотношений с «чужими» в рамках стереотипной ситуации фрейма «война».

Тактика экспликации этнического противостояния, актуализируемая в фрейме «война» может выражаться как в описании реального противостояния, так и в метафорическом осмыслении действительности как военных действий.

Так, «чужой», представленный фреймом «война», осмысляется, как правило, в негативных по содержанию слотах (соответствующих в нашем описании интерпретационным ходам) и окрашен ксенофобическими смыслами.

• *Кризис (отношений между Россией и Грузией) всегда состоял в том, что грузины вооружались и шли «воевать автономии», а встретив адекватный отпор, во всем обвиняли Россию.* (М. Перевозкина. Пора признаться // «Московский комсомолец» 21–28 февраля 2007 г.).

Анализ материала показал, что можно выделить целую группу маркеров, интерпретирующих «этнически» чужого как источник разного рода проблем, коррелирующее с таким метафорически окрашенным слотом фрейма «война», как «мишень для критики». Критика этнически «чужого», по мнению исследователей разных областей науки, во многом относится к приемам **этнизации проблем**.

Как показал анализ материала, этнические меньшинства чаще всего выступают в качестве *источника невзгод и криминального элемента*. Установка журналистов на редукцию проблемной ситуации в рамках данного интерпретационного хода проявляется в том, что при моделировании образа этнически «чужого» подчеркиваются только негативные аспекты отношения к этим людям.

• *На этой неделе в Верховном суде Карелии начнется один из самых громких процессов последнего времени, связанный с событиями в Кондопоге. На скамье подсудимых – шесть выходцев с Кавказа: пятеро чеченцев и один дагестанец* (Ю. Оглобина, Е. Нечаусова. Кондопога дошла до суда // Огонёк № 27, 2007 г.).

Представляя образ этнически «чужих» в соответствии с бинарным разделением мира, журналисты – осознанно или неосознанно – редуцируют картину мира читателя. В процессе редукции авторы следуют негативному этностереотипу, существенно укрепляя его, что способствует формированию ксенофобических настроений у читательской аудитории.

Во втором разделе третьей главы рассматривается противоположная редукционному **стратегия complication**, или усложнения модели мира адресата.

Анализ стратегии complication предполагает рассмотрение таких языковых механизмов усложнения этнической модели мира читателя, которые опровергают бинарность мира, позволяют рассматривать обсуждаемую проблему во всем многообразии факторов. По сути, речь идет об отказе от редуцирования проблемы.

В результате исследования установлено, что стратегия complication реализуется в **тактиках многоаспектного информирования и стирания граней между этносами**.

Информирование позволяет охватить сразу несколько проблемных ситуаций путем простого перечисления. В данном случае речь идет о проблеме освещения в

прессе этностереотипов, причин этнизации проблем, затрагивается социальный статус этнически «чужих» и т. д.

Тактика информирования реализуется в таких интерпретационных ходах, как **преодоление стереотипов, «диалог культур», разъяснение и характеристика.**

В континууме стереотипных объектов оценки представителей этнических меньшинств мы выделили те, которые в большей степени актуализированы авторами публикаций как объекты информирования. Таковыми являются:

- 1) национальные традиции и обычаи;
- 2) модели повседневного поведения;
- 3) черты национального характера.

Интересными представляются примеры с упоминанием одежды женщин Востока.

• *Раньше у меня была некая жалость к женщине в чадре: бедная, это очень неудобно. Но когда ты её надеваешь, совершенно другое впечатление. Ты можешь смотреть на мир, как хочешь. В парандже есть ощущение абсолютной свободы, как это ни странно звучит* (А. Салахова. Паранджа дает свободу // Огонёк № 21, 2007 г.).

Указание на существующий стереотип: *как это ни странно звучит*, темпоральный маркер *раньше* сигнализируют об изменении ситуации.

К объектам оценки, в основном негативной, относятся модели **повседневного поведения** этнически «чужих» – привычки, манеры, которые, согласно принципу редукции, вписываются или не вписываются в норму поведения этнического большинства. К элементам компликации относятся комментарии к выходящим за рамки общепринятых норм и представлений примерам поведения «чужих».

• *Китайцы достаточно спокойно относятся к тому, чтобы плевать на землю или ковырять ушко ключом от квартиры. В этом нет ни грамма неуважения к вам: просто культура такая. Поскольку живется там людям в тесноте, они привыкают не стесняться. Эти привычки ни коим образом не отражают нечистоплотность этноса* (Т. Гладких. Дзен каждый день // «МК» в Омске, 14-21 июня 2006 г.).

Рассмотренный пример можно отнести к приему рефреймирования, т. е. изменения фрейма путем интерпретации коммуникативного события в иной «рамке».

Толерантная позиция часто обретает форму диалога культур. В западной интерпретации такой диалог предполагает сосуществование наций, построенное на принципе признания значимости каждой нации, поскольку каждый народ занимает свою нишу (S. Benhabib, P. Brinson, R. Venson и др.). Такая постановка вопроса вызывает потребность в новых знаниях о «чужих».

В связи с этим в стратегии компликации всегда присутствует «голос «чужого»». Анализ материала позволил выделить целую группу примеров, также интерпретируемых вне рамок этностереотипа. Они заполняют такие образовавшиеся в прессе лакуны при описании образа этнически «чужих», которые связаны с «чужой» *национальной идеей, национальным характером, менталитетом*. Толерантность невозможна без диалога, без представленности точек зрения всех участников конфликтной ситуации. При этом создается эффект **полифонии**, когда «все голоса равноправно ведут свои партии, от наложения которых образует полифонический стиль» (М. М. Бахтин).

• *Ж. (журналист): – У нас есть понятие «национальная идея». Существует ли такое понятие у китайского народа?*

Фу Бин (доктор традиционной китайской медицины): – *Существует, и нашу «национальную идею» можно выразить одним словом: гармония. С самим собой, с окружающим миром и с природой.*

Ж.: – *А каков тогда «китайский национальный характер»?*

Фу Бин: – *Он как раз заключается в соединении трех простых качеств: доброты, терпения и уважительного отношения к тому, кто находится рядом* (В. Калашникова. Великие «чаевники» // «АиФ в Омске» № 18, 2007 г.).

В рамках тактики информирования активно используется прием **разъяснения истоков, причин и следствий этнических проблем.**

• *Свои-то начальники оглохли и ослепли. Ты им о росте цен на молочные продукты, а они тебе ... о китайцах, которые, оказывается, выпили все европейское молоко и добираются до нашего* (В. Костиков. Дед Шукарь как зеркало русской демократии // «Аргументы и Факты» № 42, 2007 г.).

Одним из основных приемов характеристики этнически «чужого» в прессе является **идентификация статусно-ролевых позиций.**

Анализ материала показал, что оценка статуса нелегалов, мигрантов и т. д. позволяет отнести их к группе более низкого уровня по отношению к этническому большинству.

• *Частные предприниматели особенно охотно принимают нелегалов. Ведь они готовы братья за любую работу, они продают свой труд за бесценок, их не защищает российское законодательство, за них не надо платить налоги* (А. Ескевич, И. Коломиец. Страна непуганых иностранцев // Российская газета № 270, 1 дек. 2006 г.).

Компликация этнической картины мира в прессе достигается интерпретационными ходами **объединения разных «чужих» и нивелирования национальной дифференциации.**

• *Ж(журналист).* – *Вы говорили, что увлекаетесь и чайной церемонией. Не пробовали проводить ее вместе с русскими?*

Фу Бин (доктор традиционной китайской медицины) – *Конечно, пробовал. И всем понравилось. С русской традицией чаепития я тоже познакомился. Наши народы в этом деле вообще быстро находят общий язык, ведь попить чаю любим и мы, и вы. Не могу сказать, что первая традиция правильная, а вторая – неправильная. Лучшие попытаться понять, почему мы делаем так, а вы – по-другому* (В. Калашникова. Великие «чаевники» // «АиФ в Омске» № 18, 2007 г.).

• *Но русские, жившие здесь, – это наши родные люди. Мы обречены – в хорошем смысле – быть всегда вместе. И обречены в смысле плохом на вечные страдания, если вместе мы не будем* (М. Зязиков «Что, в Москве терактов не было?» // Огонёк № 31, 2007 г.).

Специфичность квантифицируемых объектов люди – россияне, быть вместе придает высказываниям форму сентенций. Этому выводу способствует тема-рема-тическое построение высказывания, как это видно на последнем примере: плохие последствия в теме, при условии, указанном в реме. Динамическим сочетанием темы и ремы, всей пропозицией создается полнота информации.

Семантическими маркерами интерпретационного хода **нивелирования национальной дифференциации** являются **аннулирование национального характера преступности, постулирование идей единения наций, указания на сложность национальной детерминации.**

• (Президент Ингушетии Мурат Зязиков) *Но я вас заверяю: убийцы не имеют национальности. Ни один ингуш не мог бы поднять руку на учительницу. Это сделали преступники – враги России. И ни один преступник от заслуженного наказания не уйдет... Это вопрос времени* (А. Коц. Начнется ли в Ингушетии новая Кавказская война? // «КП» 10 окт. 2007 г.).

Вопрос национальности, точнее её идентификации, далеко не так прост, как кажется. Сказать точно о национальной принадлежности человека возможно далеко не всегда. В этой связи в прессе приверженцами нередукционного подхода к этнической проблематике используются высказывания с самоиронией.

• *Сейчас за кардинальные решения грузинских политиков отвечают все грузины, полугрузины, четвертьгрузины* (Д. Кондрахин. Куда исчезли грузины // «АиФ» № 41, 2006 г.).

Словообразовательный прием трансформации этнонима может быть интерпретирован как намек на то, что в ходе этнических чисток, чему посвящена данная статья, из-за невозможности четко определить объекты таких ксенофобических выпадов страдает множество людей, не имеющих отношение к данной проблеме.

Таким образом, речевое поведение журналистов, выстраиваемое в рамках принципа компликации модели мира, позволяет говорить о тенденции создания положительного образа этнически «чужого», представленного во всем своем многообразии. Несомненно, такая позиция авторов может рассматриваться как толерантная и способствует нивелированию противопоставления «свой – чужой» в рамках этнической проблематики.

Анализ материала показал, что среди названий, заявляющих публикации с так называемой тематической доминантой «чужого» этноса, может быть выделен ряд заголовков с использованием приемов актуализации этнической составляющей бинарной оппозиции «свой – чужой». Этому посвящен **третий раздел** данной главы – **«Приемы актуализации этнической составляющей оппозиции «свой – чужой» в заголовках»**.

В некоторых случаях употребление приемов номинации особым образом может сигнализировать о толерантной или интолерантной позиции журналиста.

Так, например, заголовок *Исповедь «чурки»* (Н. Радулова // Огонёк. № 22, 2007 г.) отличается высоким уровнем экспрессивности языка, которая не всегда оправдывается «рекламной» функцией заголовка. Манипулятивность данного приема заключается в употреблении сниженного слова *чурка* в кавычках, что освобождает автора от ответственности за оскорбление, поскольку это всего лишь цитата.

В зависимости от языковых приемов актуализации этнических мотивов в заголовках газет представилось возможным выделить следующие группы:

- 1) заголовки с элементами языковой игры;
- 2) заголовки, основанные на прецедентном феномене;
- 3) заголовки с интертекстуальными ссылками;
- 4) заголовки с модальным преобразованием.

Следует, однако, отметить, что в ряде случаев эти признаки совмещаются.

Рассмотрим некоторые примеры заголовков с использованием «игры на гранях языка» (Б. Ю. Норман). В газетных текстах широкое распространение получило ненормативное использование прописной буквы. Так, например, заголовок *Рынок разГРУЗИлся* (В. Измайлов // Российская газета № 230 октябрь 2006 г.), в соответствии с предложенной С.В. Ильясовой классификацией, является примером игры на базе омо-

ними, обусловленной *графическим выделением*. Этот прием позволил автору статьи косвенно сообщить, от кого разгрузился (избавился) рынок. Эффект иронии, осложненный смыслами уничтожения, издевки, достичь которого стремится пишущий, создается за счет использования *примет чужой речи*. Так, в статьях на этническую тематику таким характерологическим средством зачастую является акцент: “*Абалдени абрикоз*” с Кавказа” (А. Алов // «КП» 29 марта – 5 апреля 2007 г.).

В соответствии с негативным этностереотипом, представители этнических меньшинств предстают неграмотными, плохо говорящими на языке этнического большинства. Повтор фонетических особенностей речи иностранцев с целью насмешки является грубым нарушением норм речевого этикета.

В современном сознании россиян можно выделить ряд имен, означающих прецедентную ситуацию межэтнического противостояния. Одним из примеров является Кондопога: *Кондопога: год после погрома* (Д. Стешин. КП 31 августа 2007 г.); *Станет ли Россия одной большой Кондопогой?* (В. Цепляев. «Аргументы и факты» № 38, 2006 г.); *Кондопога дошла до суда* (Ю. Оглобина, Е. Нечаусова. // Огонёк № 27, 2007 г.); *Ненависть и боль Кондопоги* (Л. Налбандян. // Труд-7 22 августа 2007 г.); *Удастся ли предотвратить Кондопогу на Ставрополье?* (Д. Стешин. // «КП» 6 июня 2007 г.).

Столь активное обращение разных печатных изданий к прецедентному феномену доказывает, что журналисты предполагают наличие определенных знаний и представлений читателей о самой ситуации, и, что особенно важно, коннотаций, связанных с рассматриваемой ситуацией, в данном случае крайне негативных. Это еще раз подтверждает известное положение о том, что воздействующий потенциал может быть реализован только при наличии фоновых знаний у читателя.

Распространенным приемом построения заголовков газетных и журнальных статей в довольно широком круге изданий стало использование деформации прецедентных текстов с помощью приемов **интертекстуальных ссылок**, которые способствуют формированию у читателя дополнительных ассоциаций.

Одним из наиболее актуализируемых приемов интертекстуальных ссылок являются аллюзии: *Инородные волнения продолжатся* (Н. Чернова // Новая газета № 70 14.09 – 17.09. 2006 г.), *Русские здесь «еще ходят»* (М. Бугаев // «Аргументы и факты Сибирь» № 32, 2006 г.), *Из расовой ненависти* (Ю. Соколенко // Труд-7 28 марта 2007 г.), *Цыганочка с выгодой* (Дм. Маков, С. Лысенко // «Аргументы и факты» № 49, 2005 г.). Расшифровка аллюзий, как и любого интертекстуального отношения, предполагает наличие у автора и читателя некоторых общих знаний.

Заголовки целого ряда статей можно объединить по такому общему признаку, как несоответствие пропозиций заголовка и текста статьи. Назначение пропозиции заголовка заключается в выведении глобального значения текста статьи. В таких случаях имеют место когнитивные трансформации, соответствующие такому типу искажения истины, как **модальные преобразования** (Ю.И. Левин).

Так, например, в заголовок *«Гастарбайтеры закатали москвичку в бетон»* (Алмакаев Х. // «КП» 21 июля 2007 г.) вынесено утверждение, тогда как в тексте релевантная информация имеет форму предположения:

• *По версии следствия, Людмила, вероятно, стала жертвой рабочих-гастарбайтеров. Консьержка в подъезде рассказала, что женщина наняла для ремонта двух приезжих из южных республик. А некоторое время назад они пропали.*

Таким образом, важность заголовка и всего заголовочного комплекса в плане воздействия определяется не только «вершинной» позицией в тексте, но и тем авторским замыслом, который присутствовал при его моделировании.

Пресса, как один из наиболее действенных механизмов воздействия на массовое сознание, тиражирует две полярные позиции по отношению к данной проблеме, которые были определены нами как базовые когнитивные стратегии интерпретации: стратегия редукционизма и стратегия компликации. Реализация стратегий представлена в виде тактик и интерпретационных ходов – речевые приемы, используемые авторами публикаций. Анализ семантики языковых средств при моделировании заголовочного комплекса позволяет говорить о доминировании стратегии редукционизма в речевом поведении журналистов.

В **заключении** диссертационного исследования подводятся его итоги и намечаются перспективы дальнейшего рассмотрения данной проблематики. Так, перспективное направление предпринятого исследования связано с тем, что наряду с проблемой межэтнических взаимоотношений в прессе актуализируются и межконфессиональные трения. Осмысление образа «чужого» через призму гендера также представляется важным для формирования толерантного сознания средствами прессы.

В целом принципы редукции и компликации может быть применим не только к осмыслению проблемы межэтнического противостояния, но и к любой другой сфере, где обнаруживается проблемная ситуация.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МО и НРФ

1. *Рахимбергенова М.Х.* Этнические номинации в современной прессе // Омский научный вестник. – 2006. – № 6 (42). – С. 108–111.
2. *Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х.* Языковое выражение противопоставления «свой – чужой» в аспекте межэтнических отношений (на материале прессы) // Международный журнал социальных и гуманитарных наук «Личность. Культура. Общество», Т. 9. Спец. вып. 2 (38). – М., 2007. – С. 348–358.

Публикации в сборниках научных трудов и материалах научных конференций

3. *Рахимбергенова М.Х.* Речевые стратегии создания образа «чужого» на страницах российских СМИ // Культура народов Причерноморья. № 82. Т. 2. – Ялта, 2006. – С. 118–119.
4. *Рахимбергенова М.Х.* Оценочные стратегии в создании образа этнически «чужого» на страницах российской прессы // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных статей / под ред. Н.Д. Голева. – Кемерово; Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2007. – 531 с. С. 244–251.
5. *Рахимбергенова М.Х.* Прямые маркеры приема номинации этнически «чужого» в российских СМИ // Письменная коммуникация: межкультурный аспект: Межвузовский сборник научных трудов (по материалам Международной конференции «Письменная коммуникация: межкультурный аспект». Курск, 21-22 сентября 2007 г. – Курск: Изд-во РОСИ. 2007. – Часть 2. – 114 с. С. 49–53.

6. *Рахимбергенова М.Х.* Ксенофобические приемы и маркеры описания образа этнически «чужого» в российских СМИ // Сборник статей III Международной конференции «Языки профессиональной коммуникации», ЧелГУ. – Челябинск, 2007. – С. 312–315.

7. *Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х.* Языковые маркеры этнической ксенофобии (на материале российской прессы) // Политическая лингвистика. Выпуск (3)23 / Урал. гос. пед. ун-т; Главный ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2007. – С. 90–96.

8. *Рахимбергенова М.Х.* Прагматические и когнитивные стратегии создания образа этнически «чужого» на страницах российской прессы // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – 816 с. С. 529–530.

9. *Рахимбергенова М.Х.* Средства языковой репрезентации концепта «этнически чужой» на страницах российской прессы // Язык и межкультурная коммуникация: сборник статей I Международной конференции. 23 января 2007 г., г. Астрахань / сост. О.Б. Смирнова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 309[4]с. С. 150–153.

10. *Иссерс О.С., Рахимбергенова М.Х.* Отражение этнически «чужого» в российской прессе // Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 12-14 ноября 2007 / Урал. гос. пед. ун-т; Гл. ред. Б.М. Игошев. – Екатеринбург, 2007. – 135 с. С. 118–120.

11. *Рахимбергенова М.Х.* Речевые маркеры приёма номинации этнически «чужого» на страницах российской прессы // Основные проблемы лингвистики и лингводидактики: сборник статей I Международной конференции, посвященной 75-летию Астраханского государственного университета. 15 октября 2007 г. / сост. О.Б. Смирнова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – С. 108–110.

Подписано к печати 04.03.2008. Формат бумаги 60x84 1/16.

Печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 120 экз. Заказ 38.

12